

РАССКАЗ БЕЗ АВТОРА

Иногда слово может
изменить мир,
а иногда — исказить его

ГЕННАДИЙ ЯНЧЕВ

Геннадий Янчев
Рассказ без автора

«Автор»

2026

Янчев Г.

Рассказ без автора / Г. Янчев — «Автор», 2026

Проклятый артефакт Шекспира, заговор профессоров и идеальное преступление, которое приходится писать прямо на ходу. Отбывая наказание в архиве Литературной академии, Дина и Горохов находят шкатулку с пером, которое бьётся, как живое сердце. Оно способно сделать их великими писателями без единой правки. Но Горохов знает: его отец уже заключил такую сделку в прошлом — и теперь платит за неё рассудком, совершая преступления то ли во сне, то ли наяву. Успеют ли студенты закончить свой детектив до того, как перо допишет их собственную главу?

© Янчев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пыль, скука и первое слово	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Рассказ без автора

Глава 1. Пыль, скука и первое слово

Архив академии пах смертью.

Не в прямом смысле — просто здесь заживо умирало всё: время, желание творить и вера в то, что литература — это прекрасно. Здесь люди старели раньше, чем бумага.

На самом деле в помещении пахло плесенью, старым клеем и чем-то приторно-гнилым — то ли забытым с прошлого года бутербродами, то ли студенческими надеждами, которые портились здесь быстрее еды.

В академии знали: самое страшное наказание — не отчисление, а ссылка в архив. Сюда отправляли за прогулы, дерзость или списывание, а иногда и просто для профилактики — чтобы никто не забывал, где заканчивается свобода и начинается «настоящая» литература: пыльная, мёртвая и строго по описи.

Декан Струков любил повторять: «Посидите среди мёртвых бумаг. Может, в вас самих проснётся хоть что-то живое».

Обычно студенты вылетали отсюда пулей, стараясь как можно скорее стряхнуть с подошв архивную пыль. Но были и завсегдатаи — те, кому подвал уже почти не сопротивлялся. У таких появился, даже свой язык, свои присказки и особый жаргон, который Горохов метко называл «Пыльная феня». Никто специально его не выдумывал: он сам собой прирастал к тем, кто «листал срок» уже не в первый раз.

Этажом выше, в зале редких изданий, под стеклом и сигнализацией хранилась главная святыня Академии — экземпляр первого фолио Шекспира. Его, по легенде, купил сам граф Монфор, основатель Академии. Студентов к нему почти не подпускали. Струков называл фолио «сердцем учреждения», хотя Горохов однажды заметил, что сердце у учреждения явно бумажное и давно нуждается в пересадке.

В тот день на очередную «пыльную ходку» заступили двое проверенных архивом — Дина и Горохов.

Встретившись в коридоре у заветной двери, они даже не поздоровались. Лишь обменялись взглядами, полными усталого презрения.

— Опять ты, — буркнул Горохов, толкая дверь плечом.

— И тебе доброе утро, — Дина вошла следом, демонстративно не глядя на него. — Видимо, это особая педагогическая тактика: посадить самого ленивого с самой скандальной.

— И самой болтливой, — добавил Горохов.

— И самым бестолковым, — парировала Дина.

Горохов остановился посреди комнаты и мрачно оглядел бесконечные стеллажи:

— Ненавижу с тобой «срок мотать».

— А чего так бесишься? Что работать заставляю? — Дина бросила на него насмешливый взгляд.

Он посмотрел на неё с искренним пренебрежением, но она лишь невозмутимо ответила:

— Считай, я из тебя человека делаю, ничтожество.

— Нет, меня бесит то, что ты сюда прямо рвёшься. По тебе же видно — тебе здесь интересно!

— Ну, в какой-то мере — да, — пожала плечами Дина. — И перестань выражаться так, будто мы два заключенных на зоне.

Горохов поморщился:

— А разве нет? Подвал, пыль, надзиратель Струков... Разве что баланду не выдают. Да здесь хуже, тут вообще не кормят! Ещё один такой «заход в пыль» — и я реально набью себе татуху. Пока не решил какую. Может, гусиное перо за колючей проволокой. Очень по литературному.

Дина вздохнула:— Не смешно.— А тебе сколько «отписали»?— Две недели, — сказала Дина. — А тебе?— Три, — Горохов тяжело вздохнул. — Сочувствую себе заранее. «Листать срок» долго.— За что на этот раз? Что натворил? Если не секрет, конечно.— За правду, — с достоинством мученика поправил Горохов. — Я всего лишь заметил, что «Слово о полку Игореве» читается скучнее, чем инструкция к стиральной машине.— И сказал ты это, разумеется, прямо на лекции? — уточнила Дина.— На лекции по древнерусской литературе, — признался Горохов. — Почему-то не оценили.— Гениально. А я вот выявила плагиаторшу. Одна девица пыталась всучить чужую курсовую за деньги, ну я и не смогла промолчать... Пришлось пойти на конфликт ради принципов. Дина поправила кофту с таким видом, словно была Жанной д'Арк в филологии, не меньше.

— Уважаю, — Горохов кивнул с серьёзностью каторжника. — Значит, мы с тобой здесь как политические. Жертвы системы.

— Ну да, ну да... — эхом отозвалась Дина и взяла первую папку с кучи.

— Ты что будешь делать сегодня? Клеить или подшивать? — спросила Дина, не поднимая головы.

Горохов с размаху швырнул портфель на подоконник.

— Ничего. Я собираюсь делать ничего! — объявил он с гордостью человека, который наконец-то нашёл своё призвание.

— А как же куча эта? — Дина указала на середину комнаты. — Это же поле битвы какое-то... Мне кажется, там до сих пор дым идёт. Смотри.— Тебе не кажется, — мрачно сказал Горохов. — Это души сгоревших студенческих надежд. Они здесь теперь навсегда.

— Это же тот, архив, что сгорел. Я вообще конечно не понимаю. Зачем их хлам ещё и нам нагрузили?

— Потому, что мы бесплатная рабочая сила с воспитательным уклоном, — сказала Дина. — Хватит ныть. Бери папку, — Дина сунула ему в руки первую попавшуюся.— Струков же придёт — проверит всё равно.

— Вот когда придёт, тогда и начнём изображать пользу. Архив не наш, пожар не наш, а крайние почему-то мы.

В архиве было не так много мест, где можно было «скоротать срок» с комфортом: интернет здесь почти не ловил, а мобильная связь тонула в толще бетонных перекрытий. Но было одно исключение — широкий и длинный подоконник у единственного старого окна, который выходил во внутренний дворик академии.

И выбора у них всё равно не было: подоконник тянул к себе, как единственное живое место во всём архиве.

Они разошлись по разным углам, стараясь даже не смотреть друг на друга, и в архиве наконец стало тише.

Они облюбовали его давно — ещё за три предыдущих «захода в пыль». Горохов привычно забрался на один край, прижавшись спиной к холодному стеклу, а Дина устроилась на другом, подтянув колени к подбородку.

Между ними, ровно посередине, стояли их портфели. Они стояли в обнимку, прижавшись друг к другу куда смелее и искреннее, чем их хозяева. Казалось, вещи давно помирились — в отличие от людей.

Вокруг застыла тишина: бесконечные папки, старая кофта на плечах Дины, остывший кофе и настёрный дождь за мутным стеклом. Работать не хотелось совершенно. Даже Дине.

Горохов лениво жевал жвачку. Иногда он надувал маленький пузырь и с треском лопал его — ровно настолько громко, чтобы это не начало бесить Дину.

— Пссс! — вырвалось у неё в первый раз.

— Не начинай, — отозвался Горохов, даже не открывая глаз.

— А ты не жуй.

— Я тихо.

— Ты жуёшь как корова.

— А ты шипишь как чайник.

Дина с драматичным вздохом закатила глаза и уткнулась в бумаги. Под ней что-то сухо хрустнуло. Она поморщилась, приподнялась и вытащила из-под себя толстую папку.

На обложке значилось: «Дело №67». Ниже виднелось: «Магдалина...», а дальше текст обрывался обгоревшими краями.

Дина схватилась за папку, как за единственное спасение от Горохова и всей этой пыльной действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.